

ГУЛЯЕВА Нина Ивановна

Год рождения
1931

Место рождения
Москва

Родители
Папа — рабочий, а мама — домохозяйка. Детей в семье было трое, я — младшая, и в семье считалась любимицей.

Образование
Высшее, в 1954 году окончила Школу-студию МХАТ (курс С.Блинникова и Г.Герасимова).

Место работы
Московский Художественный театр, куда была принята после окончания Школы-студии. Будучи студенткой, на этой же сцене сыграла свои первые роли.

Награды
К наградам отношусь равнодушно. Никогда не была ни в месткоме, ни в парткоме, где обычно составлялись списки на награды. Про ордена не помню, какие-то были. Но звание лауреата Государственной премии имени К. Станиславского мне дорого, потому что оно присвоено за одну из любимых ролей: Старуху из «Последнего срока». А еще я — народная артистка России.

Творческая деятельность
Помимо театра
работа на радио, в кино

Увлечения (хобби)
Хобби нет. Хотя, пожалуй, одно есть: я дачу построила. Вернее, ее строили под моим руководством. Когда построили, поняла, что могла бы стать хорошим прорабом.

Семейное положение
Муж — Вячеслав Михайлович Невинный, актер МХАТ. Сын — Вячеслав, актер МХАТ, внучки — Иветта, Василиса.

Отношение к внукам
Обожание, могу говорить о них весь день.

Самые яркие впечатления в жизни?
Мой театр и люди, работавшие здесь, с кем меня судьба свела.

Вы любопытны?
Да нет, пожалуй. Любознательна, наблюдательна — да.

Как у вас с юмором?
Пусть другие об этом скажут.

Владете ли музыкальными инструментами?
К сожалению, нет. Во время войны взяла напрокат пианино, мама сразу же стала стыдить: «Ты что?! Нам жить негде, а ты пианино поставила!» Поиграла-поиграла сама, но учителей не было, школы музыкальной тоже. Так романа с музыкой и не возникло.

Вы пунктуальны, как относитесь к опозданиям других?
На спектакль никогда не опаздываю. На репетиции иногда. В шесть пятнадцать у меня, как у цирковой лошади, возникает

волнение: какой спектакль сегодня идет? В ответ все чаще слышу: «Да успокойся, у тебя уже давно ничего не идет».

Девиз творчества

О, у меня прекрасный девиз есть: «Смысл жизни я вижу в творчестве, а творчество самодовлеет и безгранично»... Это Горький сказал, и сказал, по-моему, гениально! Потому что сама жизнь — это творчество.

Любимые выражения

«Умей режиссера слушать, но не слушаться», «Актером можешь ты не быть, а режиссером быть не можешь».

Ваша любимая книга

Русская классика, которую читаем всей семьей. И принцип в работе такой: если ставим Гоголя, то стараемся перечитать все-все о Гоголе и все-все его произведения.

Любимая актриса — любимый актер?

Их много. Люблю тех, кто умеет жить, тратиться на сцене. Вот играем мы с Ольгой Яковлевой спектакль «Кошки-мышки», играем по-мхатовски, себя не бережем. Приходит за кулисы молодая критикесса и простодушно заявляет: «Ой, вы так тратитесь, сейчас это так не модно!» Оля согласилась: «Да, мы уже давно старомодны!» Вот и поговорили за «искусство». Но мы уже по-другому и не можем. И критик наш быстренько побежала от нас писать статью о нас, не модных.

Любимый художник
Левитан.

Любимое блюдо,
любите ли поесть?

Во время войны голодуха была страшная. И чувство голода ни на минуту меня не покидало. А когда наступили благополучные времена, возникло отторжение еды. Ненавижу кухню, запахи еды, когда готовлю сама, никогда не ем.

Какой город
больше всего любите?

Конечно, Москву. Здесь родилась, здесь и умру. Люблю ее разную, люблю особнячки с лепниной, дворики московские.

Какую ошибку в первую очередь хотели бы исправить, родись заново?

Да, нет. Пусть все будет так, как судьба мне дала. Все, что было предназначено, все исполнилось. Может быть, одно бы хотелось исправить. Вспоминая время, когда мама болела, я бы сегодня относилась к ней и внимательнее и терпимее.

Исполнилась ли даша главная мечта жизни?

Не было у меня никакой мечты. Я знала, что буду актрисой, знала, что буду работать во МХАТе, лучшем театре страны, знала, что буду народной артисткой.

В давнем эфросовском «Тартюфе» на сцене филиала МХАТ был такой рискованный трюк: при первом появлении Тартюф — Станислав Любшин как-то очень деловито подскакивал к Дорине, которую играла Нина Гуляева, и мгновенным движением выдергивал двухметровую шнуровку из лифа ее платья. Потом, опять же молниеносно, срывал с нее кофточку и, оставив Дорину лишь в корсаже, начинал свою роль:

Возьми платок. Скорее! Прикрой нагую грудь...

Мизансцена, что и говорить, была очень откровенной, пикантной. В памяти остались необычность этого «вольта» и... лицо Нины Гуляевой-Дорины. На нем не было решительно никакого выражения, хотя рука Любшина-Тартюфа находилась «именно там»... И это вполне спокойное лицо (Дорина была занята делом и ничему не удивлялась!) было смешным в высшей степени. Таково было одно из моих первых впечатлений от ее мастерства. До того я много раз слышал ее по радио и запомнил бесконечно долгие звонкие гласные, которыми заканчивались сцены, эти окончания были эмоциональным всклекотом...

...Снегурочка, Суок, Митиль...

Гуляева пленяла и оставалась где-то далеко в незнакомом мире с незнакомыми мне людьми, живущими по незнакомым законам, понятиям, правилам...

Можно сказать совсем просто: чудо!

И вот так получилось, что я с нею играю. В гоголевской «Женитьбе» режиссера Романа Козака. Нина Ивановна выходит на сцену тетушкой невесты, Ариной Пантелеймоновной, а я — Подколесиним.

...Я вижу Гуляеву за кулисами — перед началом спектакля и в конце. Вижу, как она тренированной походкой актрисы-травести торопится домой, не дожидаясь мужа...

Актриса другого поколения, чуть отдельная от сегодняшнего дня. Одна из трудных репетиций пьесы Гольдони «Венецианский антиквар». Не получается ничего — у режиссера спектакля Николая Шейко, у премьеров — Невинного, Лавровой, Игоря Васильева...

Репетиция. Все за столом. Невинный: «Нина вот мне вчера про эту сцену сказала...»

Сейчас, к стыду своему и к обиде на себя, не помню, что именно она сказала. Помню изумленное лицо режиссера, довольное (даже самодовольное!) — Невинного и свое восхищение. Что сказала — не помнит никто, но сцена в один миг задышала, стала ясной, пошла! Тогда я подумал: «Почему же Гуляева не учит, не преподает?!»

Все мои годы в Художественном театре я слушал и слушал монолог, рассказ, озвученные мысли Нины Ивановны.

Конечно, собрать все воедино может только сама актриса.

Нина Гуляева должна стоять на сцене, должна «петь свои роли», должна «танцевать пластику каждого образа»... И должна вспоминать великих, которые ее любили, которые называли ее «наш брильянтик», и которые сегодня оживают в ее воспоминаниях.

Повторяю: хотел бы написать о ней, назвать это портретом, эссе, этюдом, диалогом...

Все это сложно. Все это скучно.

И — в сравнении с монологом самой Гуляевой — все это скучно.

Нину Ивановну надо слышать, видеть на сцене и (совсем неожиданно!) видеть ее взаимоотношения с машинкой, именуемой диктофоном. Когда я записывал часть ее рассказов, она общалась с этим аппаратом, как с живым существом. Как с ежиком, кроликом, белкой...

Это мне показалось очень любопытным, я попытался передать ей свое ощущение, но Нина Ивановна перебила меня и закончила совсем феерически: «Но больше всего мне нравится ночами, когда бессонница мучает, играть в компьютерные игры!

А вы умеете?»

Согласитесь, что это — в законах системы К.С. Станиславского: освоить компьютер так, чтобы играть в эти игры столь же просто, как в бильбоке или крикет...

Но я замолкаю.

Виктор ГВОЗДИЦКИЙ

С

емья наша была дружная.

И жили мы хорошо, детство я помню как время счастливое. Но в войну папа погиб, и маме пришлось идти работать на тот же завод, откуда он ушел на фронт. Вот тогда мы узнали, что такое нужда. Своих, детей все братья и сестры моей мамы отправили к бабушке в деревню, что находилась под Рязанью. В доме оказалось 14 детей, которые выжили благодаря дедушке и бабушке. Помню, как мы все собирались в одной комнате и готовились идти в партизаны, если придут немцы. Настроены были все на удивление патриотично, никто и подумать не мог, что мы не победим.

Я ходила в школу в первый класс, носила с собой патефон, который мы привезли из Москвы, и пела там, танцевала. Сколько себя помню, у меня всегда была потребность выступить. Был случай, когда мы с сестрой Галей еще до войны оказались на Елке, проходившей в ГУМе. Нас спросили, кто, что может делать? И тогда сестра Галя сказала: пусть Нина станцует. Я вышла в круг, вынула воображаемый кинжал и начала танцевать лезгинку. Сделала все известные мне па, пошла по второму кругу, и вдруг ко мне бежит Галя. Я, танцуя, спрашиваю: что тебе надо? А она: хватит, ты всем надоела! Побежала расстроенная, к маме, но на всю жизнь запомнила: «хватит, надоело!»

С сестрой Галей

*Отец – Гуляев
Иван Семенович (слева)
с братом*

*Мама Гуляева –
Евдокия Ильинична (справа)
с родственниками*

Москве, куда мы возвратились после Рязани, к нам в школу пришла какая-то женщина и спросила: «У вас есть девочки, которые любят самодеятельность?»

Все сразу показали на меня: вон она, вот она! Так я оказалась в Институте санитарного просвещения. Там мы занимались всем чем угодно. Мы танцевали, у нас было движение, и фехтование, и балет, и станок, и голос ставили. Вот там мне поставили голос на всю жизнь... А было мне всего десять лет. Главным режиссером там был Коршунов, я у него играла Снегурочку, Нана в «Западне» и Снежинку, всяких там мух-цокотух: Мухи назойливы, мухи пролазные... Влезут в кастрюлю, ворвутся в буфет! Мухи на лапках разносят заразу, Мухи... А-агромный приносят нам вред!

«Четыре героини погибли, — говорила ведущая зрителям, — но вы их, пожалуйста, не жалейте! Последний танец мух и бумажной бахромы!» А мы, мухи, уже на сцене, на нас такие костюмчики с крыльшками и усиками... Вот тут-то и выходила, значит, бумажная бахрома, мы прилипали к липкой бумажке. И умирали...

Когда поступала в Школу-студию, я была маленькая-маленькая, худенькая-худенькая! Попала я в группу, где были одни «абэвэгэдейки»... Анофриев на «А», Добронравова и Дуров на «Д», Гуляева, Горюнов были последними в пятерке. Миша Горюнов, сын знаменитого Горюнова. Вот. Когда я вышла и начала читать, то Горюнов сказал Анофриеву: «Ни кожи, ни розги, а тоже мне — в артистки лезет...» А потом... он стал за мной ухаживать, а потом... он на мне женился, и прожили мы с ним двенадцать лет.

*Нина Гуляева. 16 лет.
В Сокольниках*

Нина Гуляева. 10-й класс

*Кремль, 1955 год.
Елка в Георгиевском зале. Сне-
гурочка — Нина Гуляева*

С

вой первый спектакль я пропустила. Он шел в филиале театра, в понедельник, в законный выходной. Всех артистов предупредили, а про меня, студентку Школы-студии, забыли. Я уехала на дачу. Вечером мама встречается у порога: беги быстрее в театр, весь вечер звонили! Спектакль назывался «За власть Советов!», моя роль состояла из двух контрастных эпизодов: в первом я радостно встречала папу, которого играл Михаил Болдуман, а во втором отца вели на расстрел, и я горько рыдала. Первый эпизод я пропустила, а вот уж во втором я так рыдала, так рыдала...

Наутро меня вызвал заведующий труппой, его слова я запомнила на всю жизнь. Девочка, сказал он, мы тебя взяли, потому что ты нам подошла, оказалась ко двору. Актеры очень редко сразу попадают на ту сцену, которая станет их судьбой. Многие полжизни ищут свой театр, свою сцену. У каждой сцены есть своя аура, своя загадка, своя тайна. И только когда актер найдет свою сцену, его талант расцветет, и он станет хорошим артистом. Сцена может, как принять, так и отторгнуть. Ты цени, что попала сюда, мы тебя любим, потому что МХАТ — это твоя судьба. Я была молода, не очень задумалась над сказанным, но слова запомнила. Это я сейчас понимаю, что он открывал мне тайны театра, его мудрость.

М. Метерлинк
«Синяя птица»

Сахар — К. Градополов

Свет — Е. Стрижова

Митиль — Н. Гуляева

Тильтиль — А. Горюнова

Фея — Т. Михеева

Л. Толстой «Анна Каренина»
(инсценировка Н. Волкова)

Няня — Н. Тихомирова

Анна — М. Юрьева

Серезжа — Н. Гуляева

т чего зависит актерская судьба? Не знаю, от многого, наверное. Придя в театр, я никому не мешала. Я всегда была трезвым человеком относительно своих данных. Мне никогда не хотелось играть то, чего не могла делать, тянуться туда, куда я не могла быть допущена. Четко знала, свое амплуа: травести, и я не могу быть Анной Карениной. Была травести, и меня все обожали. Ведь раньше в театре существовало амплуа, и в труппу набирали по амплуа. В театре всегда нужны героини, нужна есть и в неврастениках. Сейчас амплуа нет, поэтому герои почти все бесполые, трудно поверить, что такие могут произносить страстные монологи... А героини?... Сегодня все считают себя героинями, у кого смазливая внешность, а для этого нужно умение любить на сцене, шарм, а главное, нерв драматический, который в актрисе воспитывали. Я помню, как Алла Константиновна рассказывала о своих занятиях с педагогом Телешиовой, перед тем, как играть Катерину в «Грозе»... Что, дурачок, что ли Островский был, когда восклицал устами героя: «Эх, нам бы актрису драматическую, молодую, хорошую... Остальных подобрать легко. Душа мне, братец, нужна, жизнь, огонь...». Так что во все времена настоящая героиня — большая редкость...

В одном из спектаклей я сыграла мальчишку, и там был занят Владлен Давыдов. Однажды он привел на спектакль своего маленького Андрюшу. В паузах, между моими выходами на сцену, мы с ним играли за кулисами. Он думал, что я мальчик. Он был маленький совсем. Ему, наверное, лет девять было, ну, восемь... Когда же я разгримировалась и спустилась уже в своем виде, Владлен сказал: «Ну, познакомься, это та артистка, которая с тобой играла». И Андрюшка был так ошарашен, что полез под диван! Ему было стыдно, что я его так провела. Он заплакал. Меня в театре любили...

А. Салынский
«Забывтый друг»
Шурик

Н. Погодин
«Кремлевские куранты»
Стенка — А. Горюнова
14 **Маруся** — Н. Гуляева

7

Конечно, главные уроки мастерства и ремесла я получала в театре, когда оказалась среди тех, кого и по сей день считаю великими актерами. Помню, как в «Платоне Кречете» Топорков строго меня остановил: «Нина, почему ты сразу здесь убегаешь, ты вот около двери остановись и скажи первую фразу, а потом выбеги, вернись и из-за двери голову просунь и договори мысль.

И будут аплодисменты». Я так сделала, были аплодисменты, а он мне с удовольствием: «Ну, что я говорил?! А теперь пережди аплодисменты, слушай зал, слушай, управляй залом, а теперь говори!» Этому научиться в школе нельзя, для этого нужно выйти на сцену, загримироваться и сыграть хотя бы одну роль с таким мастером, как Топорков. Меня учили многие, потому что видели, что я хотела учиться.

*Б. Шоу
«Ученик дьявола»
Дик — В. Давыдов
Эсси — Н. Гуляева*

*И. Тургенев
«Дворянское гнездо»
Леночка*

С детства была «заражена» радио. Помните, такие черные тарелки висели на стене? Я как прилипну к ней ухом, не отдерешь! Мама возмущалась: «Ну, сколько можно сидеть у радио!» До сих пор помню: «Шорохом мышиным, скрипом половиц...» А потом сама туда попала и полюбила это занятие. Была такая передача «Детский театр у микрофона». Какая там была компания! Плятт, Рина Зеленая, Гердт... Актеры экстракласса, и все встречались, радуясь друг другу. Брели текст, много не рассуждали, а только показывали и помогали.

1961 год.
Озвучание на студии
«Союзмультфильм»

Настя.
Кадры из фильма
«В степной тиши»

Вообще, театр жил весело. Знаете, фанабери никогда никакой не ощущалось! Наоборот! Приходили в театр утром, или в актерский буфет. Не важно, заняты или не заняты... Там была такая Фаина, Фаня, которая нас кормила. Она знала вкус каждого. Угадывала настроение. Чувствовала праздники наши. Иногда кричала: «У меня сегодня рыбка хорошая, рыбка хорошая, возьмите, возьмите!» Она нас всех подкармливала... Поэтому и шли к ней даже завтракать. У нее чудный был кофе, по-настоящему хороший... У нас был такой ну... дом! Выпьешь кофе, посидишь, поговоришь, потом все тихо-тихо шли смотреть, как идет выпускной период на сцене. Открывали двери зала... Сейчас нельзя, а раньше — первые двери закрывали, а в амфитеатре и наверху всегда сидели артисты... Только было запрещено делать замечания коллегам. Когда режиссер, чтобы обсудить игру, собирал всех актеров, тут уже нельзя было входить — считалось, что не очень этично. Особенно любили наутро после премьеры собрания у Фаины, там был всегда анилаг. Мы сыграли «Зимнюю сказку», я тоже пришла... Играла я там Мамилия, мальчика-принца. Я любила такие роли. Я их танцевала... Вообще, я считаю, что актер должен уметь, особенно комедийные роли, протанцовывать! Внутри должна быть какая-то музыка... Вот у нас там была такая музыка. А дальше я под нее всю роль играла, двигалась, садилась, вставала... Это очень важно для артистов — музыка внутри. Мелодия своя. В этом спектакле Миша Болдуман играл за-ме-ча-тель-но! Так вот, утром после этой премьеры в буфет вошел Миша. Он пришел на репетицию и, конечно, к Фаине первым делом. Все встали и начали ему аплодировать! Все-все актеры!!! За его вечернюю работу. Он раскланялся, был растроган... И сразу: «Фаня!» Она тут же: «Да! Знаю, знаю!» И понесла всем кофе и шампанское, понемножечку...

В. Шекспир
«Зимняя сказка»
Леонт — М. Болдуман
Мамиллий — Н. Гуляева

А

*ьесу «Дорога через Сокольники» мы на-
шли сами с Леной Харитоновым. С пье-
сой пришли к директору и попросили, что-
бы ее поставил наш педагог Монюков Вик-
тор Карлович. Спектакль прошел более
четырехсот раз. А мелодия песни, которую
мы пели с Леной, до сих пор помнится.*

В. Раздольский
«Дорога через Сокольники»
Алешка — Л. Харитонов
Аллочка — Н. Гуляева

Г. Николаева
«Битва в пути»
Даша — Н. Гуляева
Бахирев — М. Зимин

«Т

ри толстяка» решили инсценировать мы с Мишей Горюновым. До половины написали, потом остановились. Горюнов поехал к Олеше — тот его благословил... Миша стал ездить к нему домой работать. Олеша был не промах выттить, Миша тоже. И у них все дело сводилось к рюмке. А пьеса так и стояла на месте. И кончилось тем, что я сама начала писать. Олеша на вид был очень мрачный. Прямо не подступись — морс какой-то, волкодав... А на самом деле — добродушный и даже где-то сентиментальный. Спектакль ему понравился. На премьерe он плакал. За кулисами всех поздравлял: «Приходите ко мне в гости, приезжайте». Но я не пошла к нему, потому что Мишка от него приходил всегда «на бровях».

Ставил спектакль Володя Богомолов, репетировали все увлеченно. Я взяла для репетиций широкую юбку, из нее сделала пачку, и получилась широкая юбочка. Бант себе присобачила, еще что-то придумала, чтобы было «более или менее»... Слава Невинный уже был тогда в театре. Он играл продавца воздушных шаров. Тут уж у нас возникли отношения, он начал меня провожать, какие-то конфеты мне все время дарил. Когда я стала изображать куклу, Володя Богомолов сказал: «Может быть, тебя как-нибудь подозвучить?» И Слава придумал: «О! Я буду подозвучивать ее!» Так и было. Он за это деньги получал как «шумовик». Раньше за это платили.

«Три толстяка» мы играли много лет. Уже мой Славка пришел на спектакль, ему было, наверное, пять лет. После спектакля они с отцом меня поджидали, и я спрашиваю: «Ну, Славочка, тебе понравилось?» Он говорит: «Мама! Ты такая маленькая...» Подошел к штакетнику и показал на него: «Ну, вот такая...»

З **стариках могу рассказывать бесконечно...**

Зуева была простодушная, непосредственная, как ребенок. Про нее Станиславский говорил: «Ее учить не надо. Она такая органичная, сама по себе — природное дарование, родилась актрисой». Про нее рассказывали легенды. Она часа по два делала грим, художничала. У нее во всех ролях были гримы невероятные... Играла она Коробочку. Вы знаете, это был знаменитый грим, у нее были сделаны и брови, и руки, и ногти. Она с собой такое вытворяла!!! Необыкновенное что-то. И вот... шевелится, шевелится занавес, и выползает из-за него это лицо... В чепчике... Зуева! Плачет и говорит: «Я не могу делать прогон...» Станиславский спрашивает: «Почему? Что случилось?» «Я сделала грим, иду по коридору, а навстречу мне Борик Ливанов. И обозвал меня аллигатором! У меня нет никакого стимула и состояния! Я не могу сейчас репетировать!» Однажды мы играли «Дом, где мы родились». За кулисами сидим мы — Зуечка (все ее в театре так называли), Головка и я, — а напротив пустая скамеечка. На сцене в это время Виктор Яковлевич Станицын играет с Маргошкой Анастасьевой, идет тихая-тихая сцена. И вдруг появляется Славка Невинный. А это было в старом мхатовском филиале — там абсолютно все слышно и в зале, и на сцене, даже шуриание бумажек... И Славка: бух! бух! У него какие-то ботинки тяжелые. Подошел, сел. Зуева: «Ты что так ходишь?! Разве можно так ходить во МХАТе по сцене?! Тебя бы знаешь как сейчас Станиславский?! Он бы тебя — знаешь как?!» Славка: «А кто это?» Зуева: «Станиславский?! Кто это? Ух, ты, хулиган такой! Ты что издеваешься?! Ты что, не знаешь...» Славка: «Не знаю». Она захлебнулась от гнева... В это время выходит разъяренный Станицын и кричит на нее: «Зуечка! Я тебя запишу в протокол! Перестань орать!»

*Премьера спектакля
«Дом, где мы родились».
В центре автор Павел Когоут.*

*П. Когоут «Дом, где мы родились»
Петра — Н. Гуляева
Либуше — К. Головки
Павла — М. Анастасьева*

Алла Константиновна всегда говорила:
«Ниночка, Ниночка, ты наш брильян-
тик!»

У меня есть фотография: стоят Грибов, Ливанов, Янин, Прудкин, Блинные... И в центре — я! В Вашингтоне, на гастролях, их фотографировали, а я проходила мимо, так они и меня зазвали. Вот такая фотография: я в середине, а вокруг народные-разнародные!.. Ливанов, вообще-то, всем исполнителям всегда делал выход... Обязательно. И сцену строил. Развивалась она, развивалась дальше, дальше, дальше — и непременно точка! И аплодисменты. Каждую мысль в спектакле он поднимал до обобщения, до метафоры. Он любил мощные мазки. Кедров любил на сцене вязь: петелька эта самая — крючочек... тонкие-тонкие взаимоотношения. А у Ливанова, наоборот, была такая мощь!

31 января 1965 г.
МХАТ на гастролях
в Америке

Н. Думбадзе, Г. Лорджитанидзе
«Я вижу солнце»

Хатиа — Н. Гуляева

Нодар — Н. Пеньков

Л. Кручковский

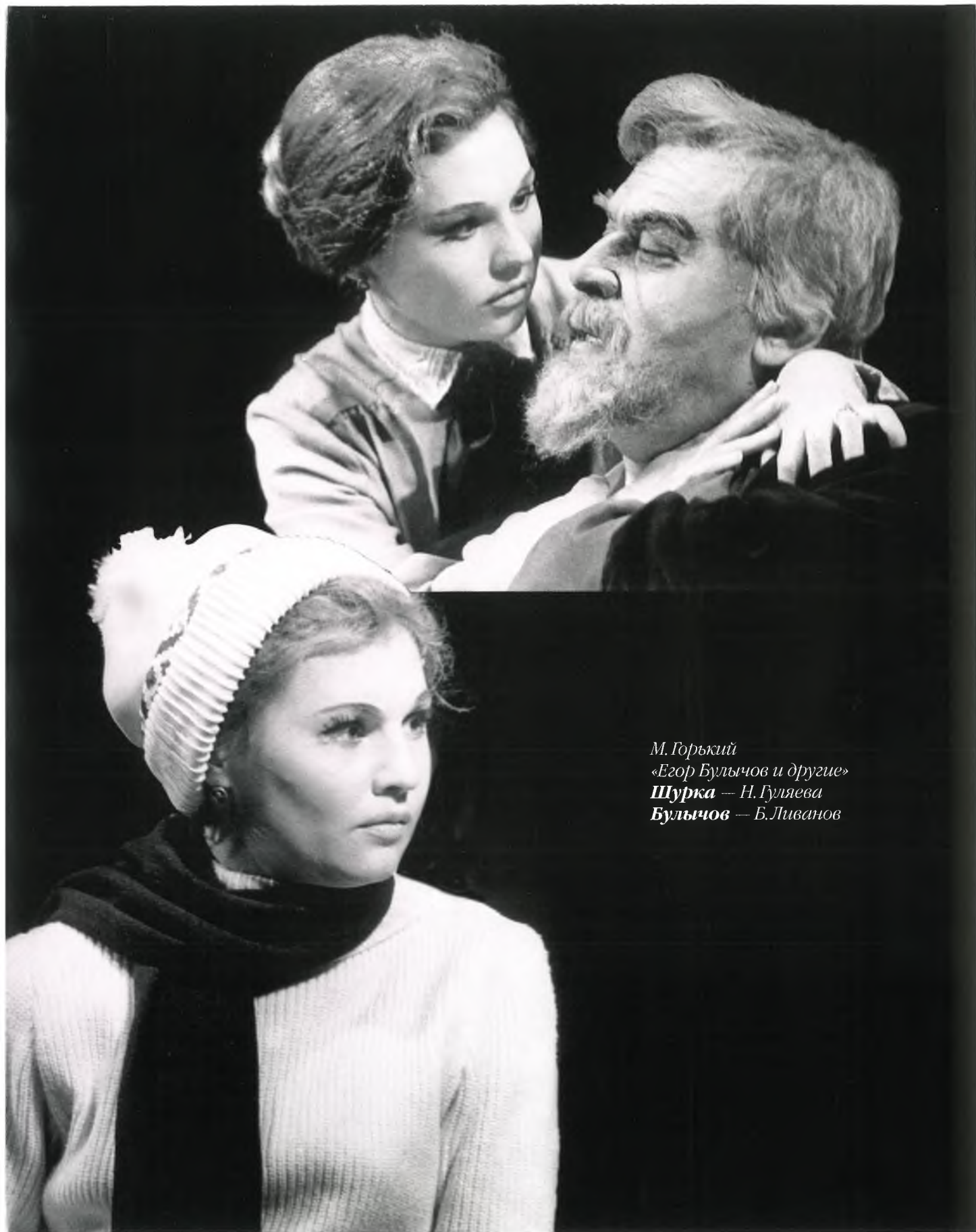
«Первый день свободы»

Михаил — Ю. Пузырев

Люци — Н. Гуляева

«Бульчове» Ливанов становился еще мощнее — двухметровый... шапка была богатая, лисья... И огромная черная суконная, подбитая лисой, шуба — в пол! Вот так выходил он на сцену — проходил анфиладу комнат на крутящемся круге, руки в перстнях, какие-то часы с золотой цепочкой. Купец-экстаз, Демидов, гигант! И вот идет он сквозь и кричит: «Шурка! Шурка!» И идет, идет... А я с другого конца бегу к нему навстречу через эту же анфиладу, выбегаю на зрительный зал. «Папа!» — ору. Он уже не идет, а бежит, все быстрее, быстрее, рванулся ко мне, широко расставив руки, и я на него прыгаю, буквально прыгаю. Он говорит: «Плохо прыгнула. Плохо!» Я сначала стеснялась: как же это, я так не могу... «Да не бойся ты ничего. Мне не больно». Я-то как прыгну, так коленками и стукну его. А потом, когда он умер, оказалось, что у него уже был рак печени... Но тогда мы ничего не знали. И он заставлял меня прыгать... И чем выше я прыгну, тем больше он меня хвалил: «Молодец!» Хватал он меня, поднимал, прижимал к себе, а я болтала ногами — и хохотала, и брыкалась, он же не отпускал меня, и мы с ним шли, я целовала его: «Папа! Папа! Здравствуй, здравствуй!» И смеялись, смеялись, и он бежал со мной бесконечно — и всегда аплодисменты, мы просто тонули в аплодисментах! Всегда. Однажды на гастролях я на него прыгнула, а у меня Славка уже был в животе — маленький... Он меня к себе как прижмет! У меня животик (все уже знали), так Славка ему ногой как стукнет! Мы, видно, его там зажали сильно. Ливанов почувствовал и говорит тихонечко: «Ой, кто это там?!» Я говорю: «Не знаю, не знаю... Но кто-то есть». Он шепотом: «Интересно, мальчик или девочка?» Я тоже шепотом: «Не знаю». И он понес меня так тихонечко, чтобы не нажимать на живот... А потом, когда мне была пора рожать и я все-таки ушла из спектакля, ввели другую артистку. И он не смог с ней играть. Не смог. И сказал: «Я буду ждать Нину, и сделаем перерыв...» Так и было.

М. Горький
«Егор Булычов и другие»
Шурка — Н. Гуляева
Булычов — Б. Ливанов

М. Горький «Враги»
Надя — Н. Гуляева
Татьяна — М. Юрьева
Полина — А. Тарасова

У

з стариков особенно нежно вспоминаю Тарасову.

Мы с нею много играли. Вот «Враги». У нас была сцена, где я говорила: «Что — закон?! Закон же — это для людей! Только для людей!» И потом: «Ну, тогда это дурацкий закон!» Она: «Как ты можешь так говорить?!» Я: «Тетечка, это же дураки придумали такие законы!» Она: «Как же ты можешь говорить так?! О-о-о!!!» Я: «И кто слушает их — тоже дураки!» Она: «Боже мой!!!» Я: «Тетечка, это я не про вас, не про вас!» И бежала за ней, хватала ее сзади, уговаривала... Она: «Нет, нет!» — и уходила со сцены. И обязательно были аплодисменты. Она всегда поворачивалась ко мне и говорила: «Ниночка, Ниночка, брильянтик, нам надо сыграть комедию! Слышишь?» Я отвечала: «Слышу, слышу, обязательно»... Но так мы с нею и не сыграли никакой комедии... Она была драматическая актриса, ее только в этом качестве использовали. Поразительно умела плакать на сцене. Уже немолодая играла свой юбилейный спектакль. Лет шестьдесят пять ей, кажется, было? Сыграла сцену из «Анны Карениной», хотя старушечка уже: «Сережа, Сережа, мальчик мой»... А в сцене из «Талантов и поклонников» — вот и звонок, поезд уходит: длинь-длиннь-длиннь... — она побежала по ступенечкам, потом повернулась и сказала: «Петя, голубчик! Не забывай меня! Прощай!» Так сказала, что я почувствовала, как по зрительному залу электричество пробежало. Все оцепенели. Я подумала: «Боже мой! А что же было, когда она была молодая?!»

И характерная актриса она была блестящая. Хохотушка! У нее глаз сразу начинал сверкать, когда что-нибудь сделаешь на сцене смешное, взрывалась сразу — «плыла!» И тихо: «Прекрати! Не надо! Ну, перестань меня выбивать из роли!» И потом: «Но нам с тобой надо сыграть комедию». Она чувствовала, что у нее комедия может получиться. Хотела испытать незнакомое. Она была очень крупная, грузная к старости, когда я ее встретила. Одевалась скромно, всегда только шарфики розовенькие на шее... Единственное, что она любила и отмечала — драгоценности. «Нина! Погляди! Вот у меня тут одна «Волга», а тут другая! И показывала бриллианты в сережках. А тут вот у меня сапфиры — видишь, видишь?!»

Хозяйкой в театре она не была. Так ведь никто из корифеев себе не позволял лишнего — был этикет, не было каботинства, не было распушенности... Театр был очень строгий. Я ведь пришла, когда они уже все старели, старели... Но все равно были они и талантливые, и шикарные... И тоже страдали. Уж не помню, по какому поводу, я разахалась: «Да что ж это такое творится в театре?!» А Грибов говорит: «Брось ты, Нинка! Это ведь как на берегу моря — много всякого дерьма. А потом подходит волна — у-у-ух! И все опять сверкает, камешки блестят... Яркие красивые камешки. Вот и в жизни так. Подожди чистую волну — и всё смоем». Так оно и есть.

В

кино я сниматься не люблю, хотя снималась несколько раз. У меня есть и главные роли. Я отказывалась, потому что роль люблю строить, фантазировать, вместе с партнером искать нужный смысл. Не знаю, как сейчас, а в те времена, когда я снималась, часами могли устанавливать свет, потом ты стоишь в кадре, режиссер подает реплики, ты в камеру отвечаешь. Сказала два слова: «Стоп, закончено! Отвезите актрису домой!». В кино актер не творец, все решают режиссер и оператор: и дубль выберут, какой считают нужным, и смонтируют так, что себя не узнаешь. От тебя ничего не зависит. Несерьезно все это.

В моей жизни было одно исключение: Юлий Райзман. Он уговорил меня сниматься, потому что репетировал со мной как театральный режиссер, по-мхатовски. Целиком всю сцену пройдем, и вдруг я слышу: снимаем все сразу от начала до конца! И мы играли целыми сценами, а уж потом он вставлял крупные планы. Я ему была благодарна, потому что могла импровизировать, один дубль у меня был такой, другой совсем непохожий. А он стоял рядом и радовался!

И потом, когда общалась с режиссерами кино, мне часто становилось скучно. Вот и у Кончаловского — в «Куричке Рябе» — играть отказалась. Сценарий не понравился. Не понравился и режиссер, хоть он и знаме-

нитый... Не нашли мы ничего общего с ним. Сидит передо мной и пьет чай из большой кружки. Говорит, что я ему понравилась в «Тартюфе», вот мол, такой клоун ему и нужен. А потом вдруг спрашивает, знаю ли я такую артистку — Мазину. Я ему и ответила: «Нет». Разозлилась очень на такой вопрос. А он поверил. Я ему сказала: «И Феллини я не знаю». Снова поверил. А главное, я сказала, что и его, Кончаловского, тоже не знаю. Поверил ли?..

Когда я прочла сценарий, то поняла: он искусственный. Интеллигенты, которые совсем не знают деревни, представили себе, как это люди живут там... А я ее знаю... Мои корни оттуда! Из этой деревни! Там мои бабки-прабабки... И юмор деревенский я знаю изнутри... И на ту встречу я шла подготовленной. В том сценарии был персонаж, уже преклонных лет. Со стариками часто случается, когда они разговаривают наедине с собой вслух. И я подумала, пусть моя героиня ходит по полю, едет на рынок, и все время разговаривает с советской властью на политические темы, рассказывает ей, власти, как все в жизни несправедливо, как все не так, как должно быть. А когда у нее появляется партнер, она замолкает, только внимательно слушает и вдруг одним словом, словно выстрелом, метко оценивает ситуацию. У меня родная тетка деревенская такой была. Тут столько можно было фантазировать. А вот, когда услышала про Мазину, все во мне восстало и думаю: и это я тебе подарю?

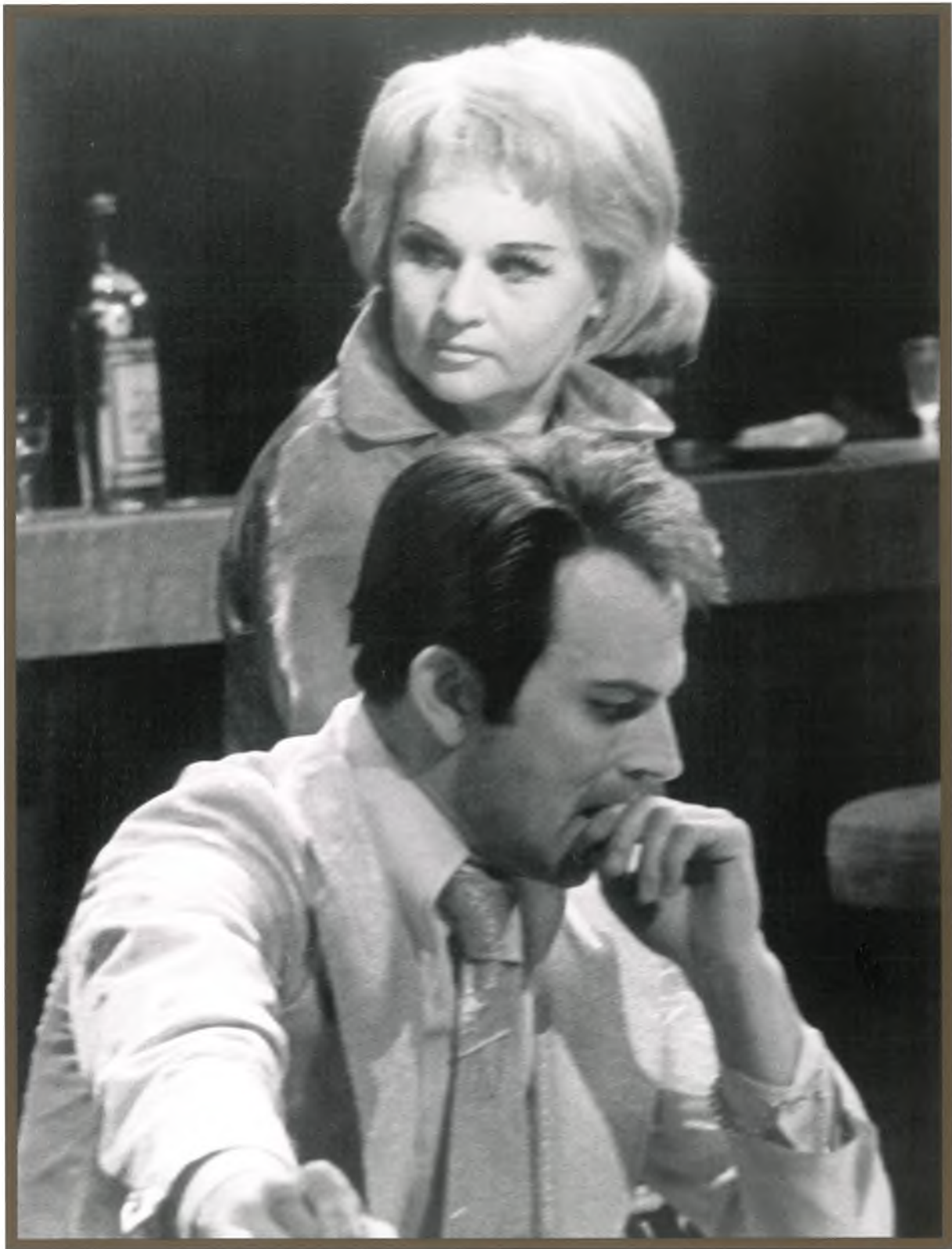
*На съемках фильма «Твой современник».
Репетиция с Юлием Райзманом.*

Кадр из фильма «Твой современник»

А. Володин
«Дульсинея Тобосская»
Дульсинея —
Т. Доронина
Санчиха —
Н. Гуляева
Санчо Панса —
М. Янишин

Т. Уильямс
«Сладкоголосая
птица юности»
Чанс Уэйн —
И. Васильев
Мисс Люси —
Н. Гуляева

С

*амое грустное время за мою
бытность в театре — 70-е годы, когда
стали умирать наши старики. Еланская
и Раевский чуть ли не в один день ушли...
Старики умирали, умирали, умирали...
А мы хоронили, хоронили, хоронили... Видно
было воочию — уходила эпоха. Под музыку
марша из «Трех сестер». И вот мы проща-
емся с ними, стоим, плачем, а музыка игра-
ет так весело... Прощание было всегда
на сцене, панихида гражданская, затем
их спускали вниз и выносили через двери,
где этот горельеф знаменитый — мухин-
ский «Пловец»... Когда хоронили Клавдию
Николаевну, то под марш пустили ее за-
пись: «Пройдет время... нас забудут, забудут
наши лица, голоса, сколько нас было,
но страдания наши перейдут в радость
для тех, кто будет жить после нас, сча-
стье и мир настанут на земле, и помянут
добрым словом...». Сердце останавливалось.
А наверху, на ярусе, — один, всегда один...
Ефремов. И смотрел неподвижно, как
их уносят навсегда.*

*М. Горький «Последние»
Софья — Г. Калиновская
Яков — М. Прудкин
Любовь — Н. Гуляева*

А печально, что в театре стираются многие понятия, традиции.

А это то, что сохраняет достигнутое, помогает дальше идти. Если не подключиться душой к прошлому, не впитать своих корней, у тебя ничего не получится. Сейчас многие ведут себя так, будто с них все и начинается. Вот тут-то и возникают многие беды и промахи.

Главным в театре считаю мхатовскую школу переживания. Плохо, что этим мало интересуются молодые режиссеры, все больше обеспокоенные сочинением своих символов, которые должен отгадывать зритель. А к нам, артистам, обычно обращаются так: ну, вы там сами, сами... Мне кажется, что театр существует не для того, чтобы я разгадывала кроссворды, а чтобы артист открыл свою душу и вместе со зрителем, который тебе сопереживает, прожил судьбу своего героя. Тогда и возникнет духовное очищение, и зритель за это скажет «спасибо» театру. Но для этого режиссер вместе с актером должны сочинить спектакль, найти его образ. Это самое трудное. Редко кто соглашается пройти этот суровый и долгий путь. Но зато спектакль, сделанный таким путем, живет долго-долго.

Г. Бокарев
«Сталеваары»
Зоя — Н. Гуляева
Хромов —
Е. Евстигнеев

У меня редко возникает удовольствие от сыгранного, особенно, когда с расстояния видишь, что многое сделано не так. В роли все должно быть выверено, как в музыке ноты. Этим нужно заниматься долго и серьезно. Сегодня все делается быстро, по-скорому. Может быть, поэтому в актерах не стало мощи, силы духа. А мощь рождается от накопленного в работе. Вот Борис Ливанов был мощным артистом, так его Станиславский лепил много лет, чтобы возникла эта сила духа. Когда возникает легкость в исполнении? Когда он в постоянном тренаже, репетиции. Так и душа человека, его внутренняя жизнь должна находиться в постоянном состоянии тренажа.

Я

люблю людей, в которых есть какая-то особенность, отличие, индивидуальность. И когда получаю новую роль, обязательно вспоминаю тех, кого мне хотелось бы сыграть, перенести на сцену. Поэтому и роли мои непохожи. Я не могу одинаково играть, мне обязательно нужно найти характер роли, то, что отличает этого человека от всего того, что было раньше. И для меня самым большим удовольствием было вечером играть умирающую Старуху из «Последнего срока», а наутро Суок, танцующую куклу. И чем больше, была эта амплитуда непохожести, тем я больше получала удовольствие. Это заразительно, когда тебя не узнают на сцене.

Сегодня я убеждена, что сцена — это живое пространство, и у каждой сцены есть свои секреты и тайны. Алексей Николаевич Грибов показал мне на мхатовской сцене точки, откуда все слышно, как бы тихо фразу актер не произнес. Я проверила, это, действительно так.

42

В. Распутин

«Последний срок»

Мирониха — В. Дементьева

Старуха — Н. Гуляева

Встреча с писателем

Валентином Распутинным.

В. Богомолов, В. Распутин,

П. Чернов, Н. Гуляева

А. Вампилов «Утиная охота»

Саятин — В. Каишур

Валерия — Н. Гуляева

Кушак — А. Попов

Официант — А. Петренко

Зилов — О. Ефремов

Галя — Е. Проклова

В

споминая приход Ефремова, думаю, что первыми спектаклями Олег Николаевич не вписывался в мхатовскую сцену. И успеха его первые спектакли не имели. Какой-то важный перелом произошел, когда он обратился к пьесам Чехова. Что-то в нем самом поменялось. Помню его погруженным в материалы, записи, стенограммы репетиций чеховских спектаклей. Вообще, найти и восстановить облик и поведение человека из ушедшей эпохи — это огромного труда стоит. А найти социальный тип персонажа — это могут только мастера. Во МХАТе это когда-то умели.

А. П. Чехов «Чайка»
Полина Андреевна —
Н. Гуляева
Маша — А. Вознесенская
Тригорин — А. Калягин
Аркадина — Т. Лаврова
Дорн — И. Смоктуновский
Шамраев — В. Каиштур

А. П. Чехов «Чайка»
Полина Андреевна

А. П. Чехов «Три сестры»
Анфиса

Эфрос, конечно, был очень знаменит, и в «Тартюфе» многие хотели работать. Спасибо Ефремову, он позвонил Эфросу и сказал: «Вот Нина Гуляева хочет Дорину сыграть, возьмите ее, она «артистка-клоун», она сделает». Репетировать с ним было неинтересно. Мы с Богатыревым в какой-то момент хотели отказаться. Поначалу даже терялись. Приходит, значит, Анатолий Васильевич. Садится. У него была такая манера — он оттягивал одну ноздрю и дышал... И не начинал репетировать! А мы все сидим. По-мхатовски сидим... Не то что как-нибудь... А по-мхатовски! У нас была дисциплина, мы все были артисты с выученными ролями... Все трясемся... А он сидит и сидит. И ничего... Потом спрашивает что-то у помощника режиссера: «Ту-ту-ту-ту-ту?» Помощник режиссера Шура: «Те-те-те-те-те...». Открывается дверь. Вбегает Калягин. «Ой, извините, я опоздал...» Эфрос преображается на глазах! Будто взошло солнце! Так он любил Калягина! И я понимала, что он выбирает себе одного артиста и репетирует только с ним, а остальные ему неинтересны. Когда я спрашивала: «А я-то тут что делаю?» — он отвечал: «А ты что там? Сидишь?! Ну вот, иди вон туда, иди, иди — подалее!.. Сядь. Вот. Сиди. Сиди». А Калягину: «Ты повернись, Саша, Саша! Ты погляди туда. Ну-ка, ну-ка, так вот... Теперь пальчиком вот так сделай. Ррраз! Поверни голову и произнеси реплику. А теперь голову вниз и произнеси вторую». Он ему ставил роль! До мизинца. Нас не было! Правда, он разрешил мне сделать все самой... С удовольствием! Пожалуйста! Только делай! Только не приставайте. Богатырев так и сделал. Вышел один раз на сцену — разозлился и начал репетировать, начал тараторить текст, начал быстро-быстро говорить. От обиды, беспомощности. И получилась роль. Любшин тоже трудно репетировал... У них какие-то были отношения свои... Они письма друг другу писали...

После премьеры Эфрос очень был доволен, и мы с ним подружились. И когда он репетировал «Живой труп», то говорил: «Нина! Жалко, у меня для тебя там никакой роли нет... Пойдем, я тебе покажу... Смотри. Тебе нравится, вот новую машину я купил?» Он тогда купил «Волгу». Я говорю: «Красивая. Я вам желаю, чтобы у вас труп был — живой, а не мертвый...»

*Ж.-Б. Мольер «Тартюф»
Тартюф — С. Любшин
Дорина — Н. Гуляева*

*А. Мишарин «Серебряная свадьба»
Устинья Карповна — Н. Гуляева
Выборнов — О. Борисов*

*М. Роцин «Перламутровая Зинаида»
Пат — А. Вертинская
Жена Коли-Володи — Н. Гуляева
Коля-Володя — В. Невинный*

Режиссеры разные были. Были трудные, с которыми я не находила общего языка. Остановлюсь в недоумении, а он мне: что вы остановились, говорите слова! Я ему: стоп, стоп... Слова возникают тогда, когда мысль созрела, я ее хочу высказать... Они должны исходить из меня осознанно. А если сначала слова, то мы существуем «не выше текста». Злятся. Были и такие, которые уходили в обиде и непонимании.

До сих пор не могу смириться со сроками работы. Ну, нельзя за три месяца поставить классическую пьесу, хоть ты лопни. И лучшие спектакли, которые мы играли десятилетия, именно так и ставились: начинали в декабре, весной делали прогоны, а осенью следующего сезона — премьеры. За время летнего отпуска все «осядет в тебе», обогатится, и на премьеры ты существуешь полноценно. Все подлинное должно вызревать, как ребенок в утробе матери. Надо поколдовать, подумать...

Сегодня такой подход в работе представляется роскошью. Но я жила в таком ритме, и он мне представляется истиной. И ведь так работали не только во МХАТе. Так работали и в Вахтанговском, и в Малом театре. И тем самым театры сохраняли свои школы, почерки, манеры. Сейчас все смазано, все похожи друг на друга, и даже не понятно, чем один театр должен отличаться от другого.

С кем бы мечтала работать? Поздно мечтать. Вот кого я обожаю — это Петр Наумович Фоменко. Помоему, он самый мхатовский режиссер, который волею судеб не во МХАТе! А должен быть!

*А. П. Чехов «Дядя Ваня»
Марина — Н. Гуляева
Соня — Л. Лисовская
Астров — О. Ефремов*

*М. Горький «Варвары»
Притькина — Н. Гуляева
Степа — М. Брусникина*

Мысли поменять театр, у меня никогда не было. И всегда было ощущение, что я работаю в лучшем театре страны. Помню, что после окончания девятого класса школы рабочей молодежи, я шла мимо Школы-студии, висело объявление о наборе на первый курс. Я спросила: а правда, что МХАТ это лучший театр в стране? Кто-то ответил: правда. После этих слов я вслух произнесла: вот тут я буду учиться, а после буду работать. Я даже не сомневалась, что буду здесь работать. Ведь человек всегда знает про себя, кем он будет, и где он будет. Он просто уверен в каких-то вещах.

Репетиция «Горе от ума»
Н. Гуляева, О. Ефремов

А. С. Грибоедов
«Горе от ума»
Графиня бабушка —
Н. Гуляева
Графиня внучка —
А. Вознесенская

Что такое прожить роль? Не могу я теоретизировать. Порой это необъяснимо. Но вдруг возникает радость, когда ты ощущаешь подлинность, безошибочность. Волна настроения тебя приподнимает, и кажется, что это не ты идешь, а что-то тебя ведет по сцене. Когда оно возникает, почему? Это тайна, о которой и не расскажешь, что-то неведомое здесь есть. Мне кажется, что для этого и существует система Станиславского, чтобы так натренировать себя, свой организм, чтобы, выйдя на сцену, можно мгновенно научиться освобождаться от зажима, от наигрыши, войти в обстоятельства роли, пьесы и начать существовать, фантазировать, мечтать.

*На репетиции
с О. Ефремовым*

*А.С. Пушкин «Борис Годунов»
Малка*

М. Кулиш «Блаженный остров»
Савватий — В. Невинный
Ивдя, его жена — Н. Гуляева
Пьер Кондратенко — В. Невинный-мл

М. Розовский
(по мотивам Б. Брехта) «Брехтиана»
Пани Конецка — Н. Гуляева
Швейк — В. Невинный

Для чего артист выходит на сцену? Да кто его знает! Актер делает то, без чего жить не может! Поэтому и остается у него театр главной любовью в жизни. Я люблю устройство театра, его миропорядок. Люблю просыпаться незатемно. Привести мысли в порядок. В одиннадцать начинать репетировать. К слову сказать, я кино не любила еще и потому, что могут поднять в семь утра и до одиннадцати тебя мурыжить. А мой организм с утра спит, как говорил Алексей Николаевич Грибов: «С утра могут играть только молодые котята, да и то на солнышке».

Люблю приходить в гримерку, где меня гримируют, одевают, а я бормочу слова роли. Дают первый звонок, второй, наступает тишина. Возникает надпись: тихо, идет спектакль. Звучит голос: третий звонок, актеров прошу на сцену. Ожидание ответа из зрительного зала: все готово! Мне нравятся сам обряд подготовки к спектаклю.

«Чеховские рассказы»

Муж — В. Невинный

Жена — Н. Гуляева

Открывается занавес — и — начинается праздник! Начинается чудо, волшебство. Выхожу на сцену — а из зала жар дыхания. Зал я всегда чувствую. Если зал не чувствую — страшно устаю. Зал — главное для актера. С ним, с этим залом, я начинаю работать. Вместе с залом мы проживем сегодня жизнь моей героини, а потом я с этим залом попрощаюсь, и занавес закроется. Потом аплодисменты. Возвращаясь домой я знаю, что мой муж безошибочно, без слов и рассказов определит, как прошел спектакль. А я еще долго не могу успокоиться и заснуть, все время что-то проигрываю, говорю себе: вот это нужно было по-другому, вот здесь надо было так сделать, а я не сделала.

*И. Эркень «Кошки-мышки»
Эржи Орбан — Н. Гуляева
Пиза — О. Яковлева*

*Н. В. Гоголь «Женитьба»
Арина Пантелеймоновна — Н. Гуляева
Подколесин — В. Гвоздицкий
Агафья Тихоновна — А. Скачкова*

СЕЗОНЫ, СПЕКТАКЛИ,
ФИЛЬМЫ, РОЛИ
НИНЫ ГУЛЯЕВОЙ

МХАТ имени А.П. Чехова

1954 год
Галя Дружинина
В. Катаев
«За власть Советов»

Майя
А. Корнейчук
«Платон Кречет»

Девочка
Л.Н. Толстой
«Воскресение»

Теренька
А.Н. Островский
«Лес»

Внучка
М. Метерлинк
«Синяя птица»

Гостья
Б. Лавренев
«Лермонтов»

1955 год
Митиль
М. Метерлинк
«Синяя птица»

Серезжа
Л.Н. Толстой
«Анна Каренина»

1956 год
Маруся
Н. Погодин
«Кремлевские куранты»

Шурка
А. Салынский
«Забывший друг»

Второй мальчишка
Л.Н. Толстой
«Воскресение»

Леночка
И.С. Тургенев
«Дворянское гнездо»

1957 год
Стенка
А.Н. Островский
«Горячее сердце»

Эсси
Б. Шоу
«Ученик дьявола»

1958 год
Мамилий
В. Шекспир
«Зимняя сказка»

Аллочка
В. Раздольский
«Дорога через Сокольники»

1959 год
Даша
Г. Николаева
«Битва в пути»

1961 год
Суок
Ю. Олеша
«Три толстяка»

1962 год
Петра
П. Когоут
«Дом, где мы родились»

1963 год
Майя
А. Корнейчук
«Платон Кречет»

Александра
М. Горький
«Его Булычов и другие»

1964 год
Хатиа
Н. Думбадзе,
Г. Лордкипанидзе
«Я вижу солнце»

Мальчик
А.П. Чехов
«Три сестры»

1967 год
Леля
А. Арбузов
«Ночная исповедь»

1968 год
Надя
М. Горький
«Враги»

1969 год
Люци
Л. Кручковский
«Первый день свободы»

1971 год
Санчиха
А. Володин
«Дульсинья Тобосская»

Любовь
М. Горький
«Последние»

1972 год
Зоя Самохина
Г. Бокарев
«Сталевары»

1975 год
Мисс Люси
Т. Уильямс
«Сладкоголосая
птица юности»

1977 год
Старуха
В. Распутин
«Последний срок»

1979 год
Валерия
А. Вампилов
«Утиная охота»

1980 год
Полина Андреевна
А.П. Чехов
«Чайка»

1981 год
Дорина
Ж.-Б. Мольер
«Тартюф»

1983 год
Анфиса
А.П. Чехов
«Три сестры»

1984 год
Тоснэ
Кобо Абэ
«Призраки среди нас»

1985 год
Устинья Карповна
А. Мишиарин
«Серебряная свадьба»

Марина
А.П. Чехов
«Дядя Ваня»

1987 год
Жена Коли-Володи
М. Роцин
«Перламутровая Зинаида»

Зинаида Саввишна
А.П. Чехов
«Иванов»

1988 год
Маргарита
В. Павлов
«Я построил дом»

1989 год
**Притыкина
Пелагея Ивановна**
М. Горький
«Варвары»

1990 год
Жена, Мерчуткина
«Чеховские страницы»

1992 год
Графиня бабушка
А.С. Грибоедов
«Горе от ума»

1993 год
Ивдя
М. Кулиш
«Блаженный остров»

1995 год
Мамка, Старуха
А.С. Пушкин
«Борис Годунов»

**Пани Копецка,
Матушка, Старуха**
М. Розовский
(по мотивам
произведений Б. Брехта)
«Брехтиана, или
Швейк во Второй
мировой войне»

1996 год
участие
«Вечер чеховского
рассказа»

**Арина
Пантелеймоновна**
1997 год
Н.В. Гоголь
«Женитьба»

1999 год
**Княгиня
Черемшанова**
Л. Н. Толстой
«И свет во тьме светит»

Анфиса
А.П. Чехов
«Три сестры»

2004 год
Эржи Орбан
И. Эркень
«Кошки-мышки»

КИНО,
ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ
ФИЛЬМЫ

1959 год
«В степной тиши»

1960 год
«Алые паруса»
(озвучание Ассоль)

1963 год
«Теперь пусть уходит»
«Твой современник»

1969 год
«Только три ночи»

МУЛЬТФИЛЬМЫ

«Краса ненаглядная»
«Первая скрипка»
«Пастушка и трубочист»
«Русалочка»
«Летающий корабль-
призрак»
«Приключения Буратино»

Из семейного
альбома

С сыном Славиком
Два Невинных.
Вячеслав-старший
и Вячеслав-младший
Невестка Лариса с внука-
ми Василисой и Иветтой.

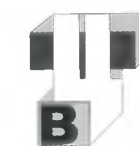
ИЗВЕСТИЯ
ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНАЯ ГАЗЕТА

РОССИЙСКАЯ
ГАЗЕТА

афиша

67.22 УКВ 102.4 FM
МАЯК

АРГУМЕНТЫ
И ФАКТЫ

Т·Е·А·Т·Р
www.theatre.ru

СОГЛАСИЕ

Рассказы Нины Ивановны Гуляевой о театре и коллегах записаны Виктором Гвоздицким и опубликованы в журнале «Искусство кино» за 2005 год №5 («Монологи в театральном буфете»).

В издании также использованы фрагменты диалога Лидии Боговой и Нины Гуляевой в канун юбилея

Автор-составитель –
Лидия БОГОВА

Редактор –
Людмила ЕЛЬНИЦКАЯ

Дизайнер –
Валерий ДМИТРИЮК

Корректор –
Маргарита МАЛИКОВА

Фотографии:
ИГОРЯ АЛЕКСАНДРОВА,
из домашнего архива
НИНЫ ГУЛЯЕВОЙ

МХТ имени А.П. Чехова
благодарит
Музей МХАТ,
редакцию журнала
«Искусство кино»
за предоставленные
материалы.

Верстка, сканирование,
цветоделение, печать –
издательство «Театралис»

ТАТРАЛИС

Я люблю людей, в которых есть какая-то особенность, отличие, индивидуальность. И когда получаю новую роль, обязательно вспоминаю тех, кого мне хотелось бы сыграть, перенести на сцену. Поэтому и роли мои непохожи. Я не могу одинаково играть, мне обязательно нужно найти характер роли, то, что отличает этого человека от всего того, что было раньше... И чем больше, была эта амплитуда непохожести, тем я больше получала удовольствие. Это заразительно, когда тебя не узнают на сцене.

НАРОДНАЯ АРТИСТКА РОССИИ,
лауреат
Государственной премии

НИНА ГУЛЯЕВА

МОНОЛОГ АКТРИСЫ

о театре, творчестве, друзьях

МХТ

МОСКОВСКИЙ
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ТЕАТР

ИМЕНИ А. П. ЧЕХОВА
ОСНОВАТЕЛИ ТЕАТРА
К. С. СТАНИСЛАВСКИЙ
И ВЛ. И. НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
РУКОВОДИТЕЛЬ ТЕАТРА
ОЛЕГ ТАБАКОВ

Я видел тебя в дипломных спектаклях четвертого курса.

С тех пор прошло много-много лет...

В театре начала ты с Митиль и все эти годы успешно
странствуешь по Московскому Художественному..

Успехов тебе не занимать.

В театре тебя уважают и любят многие,

а посему — здоровья тебе и терпения!

И помни — в России нужно жить долго.

Ольга